

языка, литературного и филологического мышления в России, введение их в систему, обоснование их законами, твердыми и ясными канонами эстетики и языкознания. Эта задача была необходимым отражением общего содержания государственной жизни русского народа в первой половине XVIII столетия. Личность и масса подчинились нормам закона, правительственной схеме, подчинились целенаправленному устремлению государства, воплощенного и в Петре, и во власти вообще. Дисциплина, норма стали основой силы страны, ее поступательного хода, принципом ее обновленного бытия. Отказ от центробежных и произвольных тяготений лиц, местных, провинциальных стремлений и традиционных групп общества во имя национально-государственного единства и единообразия принимал формы преклонения перед общим и абстрактным, логическим и надчеловеческим законом государства. Возникла внутренняя необходимость регламентировать, узаконить, ввести в норму, подчинить государственным, общенародным задачам и формам и культуру, и ту область ее, где стихийность, непреднамеренность, эмоциональный произвол могли быть особенно сильны, — искусство, прежде всего — литературу, поэзию. В этом тогда заключалось условие прогресса литературы. Необходимо было сделать ее системой, введя ее тем самым в круг явлений государственного подчинения и гражданского бытия. Для этого необходимо было разработать, обосновать, уточнить и ясно как закон сформулировать нормы, правила литературы, добиться законопослушности искусства как искусства нового русского государства. Это тоже был процесс, пройденный и другими национальными литературами Европы в XVII—XVIII веках, процесс, исторически закономерный, породивший общеевропейское движение, обозначенное историей литературы именем классицизма. И вот Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков заняты самоподчинением, выдвижением нормы в качестве критерия творчества; они добровольно отказываются от творческого произвола своей личности во имя своей концепции этой нормы, отказываются от частного в акте и результате творчества во имя общего, более высокого, прочного, несомненного, чем они сами, как люди; в их поэзии должна воплощаться истина, выраженная в формах регулярного государства, а не частного лица; в соответствии с этим, их критическая деятельность должна агитировать за это возвышенное самоотречение и утверждать закон превыше всего. Само собой разумеется, что нормализация литературы и языка объективно играла роль создания условий для дальнейшего развития их, поскольку сама норма, насаждаемая ею, содержала основные принципы единства национальной культуры и современного состояния ее в общеевропейских формах. Это была диктатура прогресса культуры, подавлявшая косные начала старозаветной традиции.